Листаю старые, пожелтевшие от времени, истрёпанные по краям блокноты, общие тетради, записные книжки. Их целая стопа. В них десятки фамилий, наскоро написанные в заводском цехе, на полевом стане, на животноводческой ферме, на военном полигоне, за кулисами театра, в локомотивном депо — да мало ли куда спешил журналист в погоне за материалом для очерка или за важной информацией! Среди людей самых разнообразных должностей и профессий ищу тех, перед кем все мы до сих пор в неоплатном долгу, — участников Великой Отечественной войны. Большинство моих записей о героях битвы с фашизмом в виде зарисовок, очерков и рассказов опубликованы в газетах и журналах, но хорошо помню, что для некоторых записей не нашлось времени, чтобы обработать их, дать в газету хотя бы простенькую заметку о человеке, самоотверженно сражавшемся с врагом. Припоминаю лица бывших фронтовиков, родственников погибших, встречи с ними, их взволнованные, со слезами на глазах, рассказы о пережитом, мои обещания «дать интересный очерк» в газету и... Всего лишь эти замусоленные страницы дневников...

Чувство вины перед незаслуженно забытыми мною людьми, коих давно нет в живых, снедало меня, когда читал я записи о них. Сорок лет не вспоминал о них, и вот, под впечатлением праздника Девятого мая предстали они передо мной, строгие, молчаливо вопрошающие: «Обманул? Время у нас отнял, души разбередил — и ни строчки...» Признаюсь: стыдно... Но лучше

поздно, чем никогда, — гласит народная мудрость. Примите мои запоздалые, но искренние извинения и уверение, что на сей раз о ваших подвигах узнают многие люди. Вечная память и слава солдатам Великой Отечественной!

Мы все в неоплатном долгу перед ними.

За день до Победы

8 апреля 1980 года. Анучинский район, Приморский край. Трофим Антонович Васильчук, инвалид войны, механизатор совхоза «Жемчужный». Ордена Отечественной войны второй степени и Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина».

...З-я гвардейская дивизия неделю сдерживала натиск попавшего в окружение противника, пытавшегося вырваться из него у деревни Бузиновка. После жестоких боёв за Сталинград изрядно поредевшая дивизия пополнилась бойцамидальневосточниками, в числе которых прибыли сюда и друзьяземляки Трофим Васильчук и Николай Кулаковский. Оба до войны работали трактористами, вместе, закончив весенний сев, пошли на фронт.

В утренних сумерках они прибыли на позиции и ещё не успели обустроиться в окопе, как командир взвода крикнул:

— Наша задача, ребята, уничтожить танки! Подпускайте их поближе, не бойтесь... Они только с виду железные, страшные, а горят не хуже деревянных!

И лейтенант, придерживая на груди бинокль, побежал в другой окоп. Вдали заклубилась пыль — немцы начинали новую атаку.

Трофим с волнением и затаённым страхом всматривался в приближающиеся грохочущие чудовища. То и дело по брустверу цокали пули, земля вокруг содрогалась от тяжёлых разрывов. Вот уже отчётливо видны белые кресты на броне, язычки пламени непрерывно быющих пулемётов. На левом фланге кто-то, не выдержав, метнул гранату и тотчас упал, срезанный пулемётной очередью. Трофим видел, как танк, легко преодолев воронку, образовавшуюся от разорвавшейся впереди гранаты, наехал на окоп, завертелся на месте, смешивая с землёй автоматчиков.

— Вот гады, что делают! Ну, держитесь! — крикнул он с ненавистью, вытеснившей страх, размахнулся, вложив в

бросок противотанковой гранаты всю злость на врагов и боль за погибших на его глазах товарищей.

Над танком поднялся высокий столб дыма и огня. В охваченных пламенем комбинезонах из него выскакивали танкисты.

— Что, жарко стало? — злорадно закричал Трофим, срывая с плеча автомат и длинной очередью укладывая фашистов возле горящей машины.

А невдалеке уже лязгали гусеницы другой. Солдат нырнул в боковой проход, но танк двинулся дальше. Трофим пропустил его немного вперёд и сзади метнул на броню одну за другой две бутылки с горючей смесью. И эта громадина вспыхнула ярким костром посреди перепаханного снарядами колхозного поля. Ещё один танк грохотал перед окопами; прикрываясь его бронёй, бежали за ним гитлеровцы. Николай Кулаковский, поднявшись во весь рост, бросил гранату. Оглушительно рванули снаряды внутри танка, и от этого взрыва погиб друг Трофима. Оставив на поле боя двенадцать искорёженных машин, десятки убитых солдат и офицеров, фашисты откатились назад.

За мужество и героизм, проявленные при отражении танковой атаки, Трофим Васильчук был награждён орденом Отечественной войны второй степени. Вскоре смелый боец был зачислен во взвод разведки 4-го артиллерийского корпуса 1-го Белорусского фронта. Многих «языков» взял Трофим Васильчук, за что был награждён орденом Красной Звезды. До Берлина дошёл бывалый солдат Трофим Васильчук, но отпраздновать победу в логове врага не пришлось: за день до капитуляции фашистской Германии по грузовику, в котором ехали разведчики его взвода, выстрелил «фаустник». Что было дальше, не помнил. Лишь потом узнал, что прежде, чем его нашли, засыпанного землёй, и отправили в госпиталь, штабной писарь уже успел отправить ему домой похоронку. Врачи долго боролись за жизнь Трофима, спасли от смерти, но правую руку из опасения заражения гангреной пришлось отнять. Поздно осенью, засунув пустой рукав гимнастёрки за ремень, вернулся солдат в родное село. С грустью смотрел на работающие в поле трактора: хотелось, как прежде, сесть за рычаги, пахать землю. С этой мыслью и пришёл в правление колхоза.

— Ты что, Трофим, в своём уме? С одной рукой! Ты подумал, как работать на тракторе? — запротестовал председатель колхоза. — Мне вот заведующий зерновым складом нужен... Самое подходящее для тебя дело.

— Лётчик Маресьев без ног на самолёте летал, а у меня только одной руки нет... Я смогу, — уверенно заявил Трофим.

До пенсии трудился герой на полях совхоза «Жемчужный»: пахал землю, сеял рис, управлял комбайном во время жатвы. И уже никто из односельчан не удивлялся однорукому механизатору.

...Тридцать четыре года прошло со дня беседы с Трофимом Антоновичем Васильчуком на рисовом чеке совхоза «Жемчужный». Он сидел на подножке комбайна, левой рукой, помогая зубами, оторвал от газеты клочок бумаги, всыпал в него щепоть махорки, скрутил цигарку, достал из кармана спичечный коробок, зажал между колен и ловко чиркнул об него спичкой. Прикурил, неторопливо проговорил:

— Фронтовая привычка, знаете ли... Не курю сигареты, папиросы... Ненастоящий табак в них... Просите рассказать, как воевали мы?.. От Сталинграда до Берлина дошёл... Много чего было... Вспоминать не хочется... Кровь, грязь, стоны раненых, гибель товарищей... К тому же день сегодня солнечный, а пора страдная... Каждая минута простоя совхозу дорого обходится... Коротким будет мой рассказ...

Сегодня, по прошествии многих лет, с грустью и болью в душе вспоминаю ветеранов, таких как Трофим Антонович Васильчук, которых нет в живых, но я счастлив, что мне довелось не только видеть их с наградами во время праздничных шествий, но и беседовать с ними в простой рабочей обстановке. Они, свидетели ужасов жестокой войны, её участники, проявляя мужество, героизм, отвагу и величайшее терпение, ценой своих жизней спасли нашу страну от коричневой чумы двадцатого века — фашизма. Мы всегда будем чтить память о них, и мы ещё долго будем в долгу перед ними, потому как ничем нельзя оплатить принесённые ими жертвы во имя Великой Победы.

Слава тебе, русский солдат Трофим Васильчук! Слава всем участникам битвы с фашизмом!

«Последний бой — он трудный самый...»

17 марта 1980 года. Арсеньев, Приморский край. Завод «Аскольд». Пётр Лукич Москаленко, бригадир слесарей-сборщиков цеха № 3. Орден Красной Звезды, медаль «За отвагу».

Ero рассказ — о последнем бое в немецкой усадьбе в окрестностях Бранденбурга.

В обеденный перерыв остановились станки, и в непривычной для цеха тишине громко стучали по столу костяшки домино. Я и Пётр Лукич Москаленко, бригадир слесарей-сборщиков, сидели в сторонке от шумной компании, и я обратился к нему с вопросом, который чаще всего задавал всем фронтовикам:

— За что вы получили медаль «За отвагу»?

Пётр Лукич не ответил: к нему неожиданно подошёл начальник цеха с чертежом нового изделия.

- Вот, ознакомься... Срочный заказ... Чтобы выполнить, придётся вашей бригаде трудиться сверхурочно... Трудновато будет...
 - Не беспокойтесь... Если надо срочно сделаем.

Уверенные эти слова, пожалуй, более всего раскрывают характер Петра Лукича, одного из старейших работников «Аскольда», участника Великой Отечественной войны, бывшего связиста стрелкового полка.

— За что получил медаль «За отвагу»? — переспросил он, когда начальник ушёл. — Но только коротко... Мне ещё к технологам забежать, посоветоваться, — сказал он, сворачивая чертёж. — Ну так вот...

Приглаживая белые, как снег, волосы, он помолчал и, глядя на меня голубыми, не утратившими блеска глазами, сказал:

— Сколько лет прошло, а всё не могу забыть товарищей, погибших в тот день... Первого мая сорок пятого...

...На переправе, забитой грузовиками, танками, пушками, взвод связистов отстал от своего стрелкового полка, уже вступившего в бой на другом берегу, и нужно было как можно быстрее наладить связь с батальонами, ушедшими далеко вперёд. Всю ночь связисты шли под моросящим весенним дождём. Наконец под утро стали видны очертания большой усадьбы. Подошли ближе. В окружении большого, набиравшего цвет яблоневого сада белел роскошный особняк. Тихо было вокруг, и тишину нарушало лишь весёлое щебетанье птиц. До сих пор приходилось видеть разрушенные города, и бойцы восхищённо рассматривали богатое строение.

— Видать, какой-то немецкий барон жил... Аллеи... Водоём с лилиями... Дорожки песочком посыпаны, — сказал командир взвода. — Вот здесь и сделаем привал...

Лейтенант не успел договорить. Вместе с лучом солнца, радостно выглянувшего из-за высокой тростниковой крыши сарая, почти в упор ударила свинцовая пулемётная струя. Лейтенант медленно, будто не веря в случившееся, свалился в прозрачную воду бассейна. Упали ещё несколько бойцов. Остальные быстро перекинулись через массивную чугунную ограду и открыли ответную стрельбу. Пётр Москаленко, отдышавшись, сбросил с плеч ставшую невыносимо тяжёлой телефонную катушку. В дикой ярости захлёбывался пулемёт, жёлтое пламя от его выстрелов вылетало из узкого оконца на верхнем этаже сарая. Примостившись, Пётр дал по нему несколько очередей из автомата. Пулемёт на минуту умолк, но вдруг с новой силой ударил из другого оконца. Короткими перебежками, прячась за стволы яблонь, солдат подобрался к сараю, но железная дверь была заперта изнутри. Спрятавшись за угол, он швырнул под неё гранату. Раздался взрыв, но дверь осталась цела. На крыльцо особняка вышел толстый человек в жилетке, по его выразительным жестам можно было понять, что немец не хочет, чтобы русские ломали ему сарай.

— Тогда скажи им, пусть выйдут! — крикнул Пётр.

Немец ушёл, а пулемёт продолжал стрелять. За сараем Пётр увидел бочку с керосином. «Выкурить фрицев огнём... Но как?» — подумал солдат. Стены высокие, до крыши не достанешь. Под ногами валялся длинный шест. Пётр стянул с себя ватник, ремнём привязал к шесту, опрокинул бочку и вылил на него весь керосин. Чиркнул зажигалкой и с трудом поднял над головой огромный факел. Тростниковая крыша вспыхнула большим жарким костром. Загремел изнутри засов. Дверь открылась, Пётр швырнул в сарай последнюю гранату и открыл стрельбу по сбегающим вниз немцам. Вскоре рухнула крыша, и всё стихло. Чёрный дым стлался над усадьбой барона, напоминая о том, что война ещё не окончена. В глубокой скорби стояли солдаты над свежими могилами своих товарищей, с которыми вместе отступали в сорок первом, вместе шли от Москвы до этого неизвестного им немецкого местечка под Бранденбургом. Набежавший ветерок шевелил непокрытые волосы, доносил запах гари.

— Взвод, слушай мою команду, — тихо сказал рядовой Москаленко, взваливая на спину телефонную катушку. — Наша задача — догнать полк и наладить связь с батальонами.

— Ребята, а ведь сегодня первое мая, — вспомнил пожилой боец. — И, наверное, это был наш последний, самый трудный бой...

...Пётр Лукич прервал свой рассказ, ладонью смахнул с глаз набежавшую слезу:

— Вместе с ними я прошёл почти всю войну, и потому так тяжело было потерять их за несколько дней до победы... Прощайте...

Я хотел окликнуть его вопросом: «Так это за первомайский бой вас наградили медалью "За отвагу"?» Но я промедлил, он ушёл, а передо мной словно воочию стояли холмики свежей земли, под которыми навсегда остались лежать простые наши парни, погибшие в самом конце войны.

Военрук Фролов

7 ноября 1980 года. Арсеньев, Приморский край. Школа № 9. Василий Никифорович Фролов, преподаватель военного дела, майор запаса, на фронте был с первого дня войны до последнего, артиллерист, командир батареи. Ордена Отечественной войны первой и второй степеней, два ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За взятие Вены», «За победу над Германией». Запись на праздничной демонстрации.

Слушая рассказы военрука Василия Никифоровича Фролова, школьники с затаённой завистью посматривали на его орденские планки. Немногие из них знали, что уже в первый день войны его полк оказался в окружении.

Топкими болотами, прорвав окружение, бойцы вышли в расположение советских войск. А вскоре они уже вгрызались в промёрзшую подмосковную землю, чтобы стоять насмерть.

Утром, проснувшись от глухо сотрясавшихся стен окопа, Василий стряхнул с себя комья мёрзлой глины, закоченевшими пальцами свернул самокрутку. Стараясь согреться, затянулся крепкой махоркой.

— Рядовой Фролов! К командиру батареи! — услышал он команду.

Через несколько минут Василий уже сидел на вершине большого дерева и, спрятавшись за ствол, вёл наблюдение за передней линией противника. Отсюда, с холма, в предутренней

дымке слабо просматривались очертания немецких окопов. Где-то там спрятаны блиндажи, огневые точки. Но вот в бинокль наблюдатель заметил, что в лощинке появилось несколько лишних кустов. Сосредоточив на них внимание, солдат убедился, что это были замаскированные блиндажи.

— «Волга», «Волга»! Я — «Орёл»! В квадрате пятнадцать вижу блиндажи, — сообщил Фролов на командный пункт.

Тотчас на той стороне полетели вверх брёвна, камни, и эхо донесло грохот разрывов. В лучах скупого ноябрьского солнца было видно, как, завихряясь на ветру, полетел пух. Очевидно, в блиндажи фашисты натаскали награбленные в деревнях перины, и теперь содержимое их белым облачком витало над чёрной взрыхлённой землёй.

— Ай да Фролов! — услышал он в телефонной трубке голос комбата. — Молодец! Весь комфорт фрицам испортил.

Ночью в тесной землянке при свете коптилки ему вручили комплект новенького обмундирования.

- Быстро переодевайся и бегом к машине! Там, позади окопов, дожидается бойцов... Ты один с нашей батареи едешь...
 - Не понял, товарищ капитан...
- Так ведь завтра седьмое ноября! Праздник! Парад будет на Красной площади! А это значит, что скоро пойдём в наступление! Запомни этот день, Вася!

Да, он запомнил этот день на всю жизнь. Исторический парад на Красной площади. В чётком строю промаршировал по тогдашней брусчатке, сжимая винтовку занемевшими от холода пальцами, испытывая волнение от переполнявшей его радости скорого наступления. И всё сделал для того, чтобы собравшиеся девятого мая за праздничным столом его дети и внуки были счастливы. Они не знают войны. Они понастоящему счастливы, потому что ради них не щадили своей жизни миллионы советских людей, таких как Василий Никифорович Фролов.

Они с честью выдержали все испытания, выпавшие на их долю, и жизнь этих героических людей — патриотов Отечества — лучший пример самоотверженного выполнения долга перед Родиной.

А мы, нынешнее поколение, будем хранить священную память о тех, кто жертвовал жизнью во имя Победы.